

Игорь Орлав

Картографы человеческих узоров

КодМЫ

Приключенческое фэнтези

Игорь Орлав

Картографы человеческих узоров

«Автор»

2026

Орлав И.

Картографы человеческих узоров / И. Орлав — «Автор», 2026

Тавия умеет читать узоры человеческих привычек, но однажды принимает точную карту за обещание поступка. Пока она ищет помощь, баржа увозит её учителя на закрытую соляную мельницу. По следу отправляются сама ученица и Иль — человек, чьи желания меняются быстрее, чем она успевает их зарисовать. До решения о судьбе речного пути остаётся два дня. Чтобы вернуть учителя и понять, кому мешают старые карты, придётся довериться не только линиям на слюде.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Пропущенная строка	5
2. Чужой край	7
3. Лестница без улицы	10
4. Белый рукав	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игорь Орлав

Картографы человеческих узоров

1. Пропущенная строка

Тавия подставила ладонь под медную застёжку, прежде чем та ударилась о край стола.

— Не отпускайте. Ещё немного.

Орен вновь зажал медь в кулаке. По тонкому шнуру дрогнула капля дождя. На слюдяном листе проступило янтарное русло, раздвоилось у правого края и возвратилось к началу. Сверка. Тавия уже видела такой узор у человека, который каждое утро обходил свою лавку, дважды проверяя замки.

Но здесь замками не пахло. На столе пристанского служащего лежали накладные, каждая строка была отмечена маленькой точкой. Он проверял число тюков, вес, имена грузчиков, потом возвращался к числу тюков. Пока Тавия смачивала лунную соль на слюде, Орен успел пересчитать пустые стаканы на подносе.

— Последовательно, с возвратом к исходной отметке, — сказала она. — То, что вы и просили подтвердить.

Орен потянулся к бумаге, на которой было написано его имя.

— Значит, свидетельство продлят?

— Его подписывает мастер.

— Ваш мастер второй день не приходит.

Тавия сняла со слюды кальку. На ней осталось обведённое чернилами русло, а рядом — голубые ответвления, тонкие и беспокойные. На слюде они менялись, пока Орен смотрел на дверь; на кальке Тавия успела обвести лишь одно их положение. Желания оставляли такой след; что именно человек хотел, лист не сообщал.

— Он вернётся, — сказала она.

Вчера утром Севрен ушёл в Палату верных путей, взяв циркуль и чистый футляр. До вечера не вернулся. Сегодня в Палате ответили, что мастер занят выездной проверкой, и закрыли окошко прежде, чем Тавия успела спросить, какой именно.

Она пришла на пристань закончить обещанное чтение и узнать, не видел ли кто Севрена. Мастер часто ездил по реке: в лодке у него не болела спина.

Орен разжал пальцы. Линии начали меркнуть. Через тридцать вдохов лист станет пустым, а калька сохранит это утро таким, каким она его зарисовала. Тавия проставила время, но оставила место для подписи учителя.

За окном двое грузчиков пронесли длинный серый ящик. Сверху лежал кожаный футляр с нелепой жёлтой заплатой: такой кожи во всём Вейре не нашлось бы на хорошую перчатку. Заплату Тавия пришивала сама.

Она вышла под дождь.

Футляр погрузили в закрытую баржу, у которой не было названия на борту. Из внутреннего окна показалась рука и придвинула ставню. Тавия успела заметить на запястье белую тесёмку. Севрен завязывал ею рукав, чтобы не задеть сырые линии.

— Мастер! — крикнула она.

Грузчик обернулся. Ставня закрылась.

На трапе стоял человек в сером плаще Палаты. Он не двинулся к Тавии, только положил ладонь на поручень, заняв весь проход.

— У меня там учитель.

— Проверка закрытая.

— Позовите его.

— Я передам.

Передавать он не пошёл. Тавия вернулась к Орену, опрокинув плечом жестяную воронку для сбора дождевой воды.

В накладной на баржу значилось: «Соляная мельница за Белым рукавом». Под строкой о пассажирах была проведена черта. Последняя графа, разрешение городской водной службы, оставалась пустой.

— Вы не можете их выпустить, — сказала Тавия. — Здесь нет отметки.

Орен накрыл графу ладонью.

— Есть распоряжение Палаты.

— Оно не заменяет отметку.

Она знала это не из карты: Севрен возил свои листы в непромокаемом коробе, и на каждую поездку приходилось заполнять одинаковые бумаги. Теперь знание и янтарное русло словно наложились друг на друга. Тавия вдруг почувствовала себя спокойнее. Такой человек не выпустит судно с незаполненной строкой.

Она быстро написала на чистом обороте свою жалобу, поставила имя и адрес мастерской.

— Смотрительница Нера ещё в водном доме?

— До третьего колокола.

— Я приведу её. Баржа подождёт.

Орен открыл рот, но Тавия уже убрала рамку в сумку.

В водном доме пахло мокрым сукном. Нера, широкоплечая женщина с коротко обрезанными ногтями, разбирала жалобу на сломанный причал. Она выслушала Тавию, попросила назвать время, бортовой номер, основание для задержания. Тавия называла одно за другим, спешила, путалась в номере.

— Он мог сам поехать на мельницу, — сказала Нера.

— Тогда почему не отвечает?

— Вот это и спросим.

Она взяла плащ. Дорога обратно заняла меньше времени, потому что Тавия почти бежала, а Нера умела ходить так, что другим приходилось подстраиваться.

У причала качались только обрезки камыша.

Орен стоял у окна с вытянутыми вдоль тела руками. Тавия прежде видела его без жилета, без шапки, однажды — без одного башмака, но никогда без бумаги в руках.

— Ушли, — сказал он.

Нера потребовала книгу отправлений. Орен подал её, не глядя на Тавию. На странице было новое время, на час раньше объявленного.

— Вы же проверяете каждую строку.

Он не ответил.

— Я видела. На карте.

— Видели, — согласился Орен. — Проверяю.

Нера посмотрела на них обоих.

— Кому вы отдали жалобу?

— Представителю Палаты. Он потребовал приложения к перевозке.

Теперь у Палаты были имя Тавии, адрес и точное описание того, что она заметила. У неё осталась калька, которая безупречно показывала многолетнюю привычку Орена.

Она спрятала её последней.

2. Чужой край

К вечеру на двери мастерской прибавилась бумага: до выяснения обстоятельств запрещалось выносить архив и инструменты Севрена. Печать собирались поставить утром. Тавия прочла уведомление дважды, словно при втором чтении мог появиться пропущенный выход.

Нера дала ей копию своего запроса о пассажире. Пообещала потребовать письменный ответ, но без свидетельства удержания открыть силой ведомственную мельницу не могла. Она велела не исчезать и прислать ей всё, что удастся выяснить.

Тавия зажгла настольную лампу.

В оконном стекле отразилось лицо с широким подбородком и неровной чёлкой. Короткие чёрные волосы прилипли к смуглым щекам. Она обрезала их сама неделю назад, решив, что ученице картографа доступна любая точная работа. Один висок пока приходилось прятать. Глиняного цвета куртка потемнела на плечах от дождя; Тавия сняла её, встряхнула и снова надела. Возле холодной печи было ещё холоднее, чем снаружи.

На краю стола лежал её собственный пробный узор. В двадцать четыре года она всё ещё получала за чтения ученическую долю, и ей очень хотелось оставить на таком листе полную подпись, без оговорки о проверке мастером. Севрен обещал допустить её к испытанию осенью. Она перевернула лист рисунком вниз.

Высокое кресло Севрена стояло спиной к окну. На столе осталась кружка с отбитой ручкой; из неё торчал карандаш, который мастер вечно искал. Тавия переставила кружку и сразу возвратила на старое место.

— Здесь принимают без записи?

В дверях стоял невысокий крепкий мужчина в тёмно-синем длинном жилете. Охряный шарф был так тщательно заправлен за ворот, будто ветер мог вытянуть его вместе с человеком. Бритая голова блестела от дождя. На широком лице под тяжёлыми веками не читалось ни нетерпения, ни обычного смущения посетителей.

— Сегодня нет.

— Мне не чтение. Оригинал забрать.

Он протянул расписку Севрена. «Карта Руны. Сопоставление с заключением. Вернуть владельцу либо Илю по её поручению».

— Вы Иль?

— Пока да.

Тавия подняла глаза.

— Имя менять дорого, — пояснил он. — Я узнавал.

Она почти улыбнулась, но посмотрела на кресло и забыла зачем.

Иль заметил бумагу на двери. Прочитал медленно, двигая губами.

— Значит, к нему тоже добрались.

Тавия рассказала о барже. Он не удивился мельнице, и это ей не понравилось.

— Откуда вы знаете, что с ним случилось?

— Не знаю. Догадываюсь.

— Можно посмотреть вашу карту?

Иль положил расписку на стол.

— Вы по ней найдёте Севрена?

— Нет.

— Тогда зачем?

Тавия провела ладонью по крышке футляра. Честный ответ оказался не таким солидным, как ей хотелось.

— Я вас не знаю.

— После чтения тоже не будете. Но посмотрите. Недолго.

Она подала ему медную застёжку. Он остался в дверях, и трёх шагов шнура хватило ровно до её стола. Тавия держала рамку перед собой, чуть наклонив к лампе. В светлой слюде зажглись узоры.

На краю, обращённом к Илю, тонкие голубые ветви собирались веером, сворачивались и расходились заново. Тавия не успевала обводить их. Обычно текущее желание меняло пару линий; здесь словно переставляли невидимые предметы, постоянно освобождая для чего-то место.

Глубже лежало короткое янтарное русло с двумя возвратами.

Иль тем временем проверил соединение застёжки со шнуром, потом винт дверной петли.

— Крепления? — спросила Тавия.

— Если не проверять, они рано или поздно обижаются.

— А что вы сейчас решили?

— Несколько вещей.

— Каких?

— Одну могу сказать. Вашу дверь лучше поправить до зимы.

Она посмотрела вверх листа.

— Мне нужно понимать перемены.

— А мне некоторые нужно сначала додумать.

Он разжал пальцы. Свечение стало тускнеть; Тавия машинально потянулась к чернилам и остановилась.

— Копию делать?

— Не надо.

На слюдяном листе ещё несколько мгновений держалось синеватое разветвление. Тавия убрала перо.

— Здесь ещё узел был, — заметил Иль. — Возле середины. Это плохое место?

Она снова подняла слюду, хотя след уже почти погас.

— Две привычные тяги мешают друг другу. Так бывает, когда человек хочет закончить дело и заодно всё проверить. Или при совсем другом столкновении. Без вас не скажу.

— Мне однажды сказали: склонность к неповиновению.

— По узлу?

— По нему.

Тавия поставила лист против лампы. Теперь сквозь него просвечивал фитиль. Иль поднёс палец к месту, где сходились линии.

— А повторить тот же рисунок можно?

— Целиком — вряд ли. Русла долго держатся. Чтобы изменить их, одного решения мало, надо делать по-другому недели, иногда месяцы. Но ветви сейчас будут уже другие.

— Потому что мы поговорили?

— Возможно. Или потому, что вы промокли и хотите снять жилет.

Он посмотрел на своё мокрое плечо и впервые улыбнулся без шутки.

Тавия протянула ему чистую тряпицу. У неё не было способа удостовериться, говорил ли он правду о расписке. Карту можно снять даже с человека, которого заставили держать застёжку; согласие на меди не отпечатывалось. Почерк Севрена на бумаге сейчас говорил ей больше, чем погасший узор.

В ящике, куда Севрен складывал работу на текущую неделю, нашлись номера кальк и половина городской повестки. В полдень послезавтра Совет должен был принять заключение о Белом рукаве. Если общественный ход признают непригодным, суда на двенадцать лет направят через частную гавань «Трёх опор».

Тавия знала эту гавань. Севрен однажды заплатил за проход столько, что весь вечер резал бумагу на пробные листы меньше обычного.

— Мастер искал ранние карты, — сказал Иль. — До того, как из них сделали свидетельства.

Под повесткой лежала промокательная бумага. На ней отпечатался адрес соляной мельницы и приписка: «Сверить перед окончательным заключением». Значит, Севрен собирался вернуться с результатами.

Соль на столе была убрана в шкаф. Даже спеша, он не оставил бы открытую банку. Тавия с раздражением поймала себя на том же ходе мысли и всё-таки проверила шкаф. На внутренней стороне дверцы висел запасной циркуль.

— На Белом рукаве есть обход, — сказал Иль. — С воды. Знает Руна.

— Та, чья карта?

— Моя сестра.

Тавия поставила возле лампы копию запроса Неры. Всё, что принадлежало мастеру, оставила на месте. В сумку легли её собственная рамка, тетрадь и три маленьких пакетика соли, купленные с ученического заработка.

Перед уходом она повернула кружку ручкой, которой не было, к краю стола. Потом рассердилась на себя и погасила лампу.

3. Лестница без улицы

Они спустились к Исте по лестнице, не обозначенной ни на одной городской карте. Верхняя ступень начиналась в проходном дворе, нижняя уходила под воду, а посередине на гвозде висело старое сито.

— Ситный спуск, — предложила Тавия.

— Лестница к утопленной калитке, — сказал Иль.

— Длинно.

— Зато калитка настоящая.

Он показал под водой две ржавые петли. Тавия присела. Через зеленоватую воду петли казались знаками чужого письма.

Они не пошли к большой пристани: Иль объяснил, что баржа займёт главный ход и догонять её на вёслах бесполезно. Малые каналы вели к Белому рукаву короче, но там требовалась плоскодонка.

По пути Тавия рассказала, как пыталась составить карту безымянных мест. Официальные названия слишком часто повторялись: Речной проезд, Речной тупик, Второй Речной. А место, где все задевали головой балку, вообще никак не называлось.

— Проход с поклоном, — сказал Иль.

— Там уже сняли балку.

— Тогда проход невоспитанный.

У неё вырвался смех — короткий, почти сердитый от неожиданности. Иль удовлетворённо кивнул, будто починил что-то небольшое.

За канатным складом жила Десса, лодчица с густыми седыми бровями. Она не стала слушать весь рассказ, пока не осмотрела у Илья ладони.

— Весло удержишь. Кто возвращает?

— Мы, — ответила Тавия.

— Это чудесное слово. Последний раз после него я три дня вылавливала свой якорь.

Плоскодонка «Лещ» стояла на двух козлах. Её днище было цело, но поперечная планка возле носа качалась под пальцами. Иль сел рядом и попросил короткий гвоздь, длинную щепку и ничего больше не подавать без просьбы.

Тавия нашла на полке коробку с гвоздями. Упаковки были помечены цветными полосками. Она взяла ту, которая казалась зелёной.

— Это крючья, — заметила Десса. — Гвозди в красной.

Тавия поднесла коробку к окну. Полоска не стала красной или зелёной; она оставалась сероватой, как дно старой чашки.

Три чтения до Орена, затем он, потом Иль. Слишком много, если почти не спать и не есть. Обычно перед этим начинало саднить под веками. Сегодня она решила, что саднит от дождя.

— Мне нельзя сейчас различать метки, — сказала Тавия.

Иль отложил молоток.

— Голова кружится?

— Нет. Цвета уходят. Если продолжить читать, края начнут двоиться. После сна проходит.

— Сегодня больше не продолжай.

Она хотела сказать, что сама знает, но рядом лежала неправильно выбранная коробка.

Десса нарезала хлеб. Ели стоя у верстака, с тёмной сладкой пастой из печёных груш. Иль попытался взять кусок чистой стороной ладони, измазался ещё сильнее и обречённо сел.

Тавия выстругала щепку под планку. Ей нравилось такое дело: толщина видна, посадка проверяется нажимом, ошибку можно исправить, не объясняя человеку, какой он на самом деле.

— Я тоже их возил, — сказал Иль, глядя на лодку. — Людей из Палаты. По шлюзам. Помогал выбирать, кого читать.

— Зачем?

— Думал, полезно знать, кто как работает. Руна могла держать колесо дольше любого, но торопилась, когда кто-то рядом мешкал. Ей обещали подобрать напарника. Потом в заключении написали, что она обязательно сорвёт совместную работу. Свидетельство не продлили.

— По одной карте?

— Им хватило.

Он провёл ладонью по укреплённой планке и поискал выступающий гвоздь.

— Я стал менять маршруты. Сначала назло. Потом понравилось. Даже руки переучивал: привычное делать другой. Оказывается, если умеешь завязать узел, это ещё не значит, что умеешь завязать его левой.

— Поэтому карта меняется?

— Часть, наверное. Ещё я думаю о разном. Не всё касается Палаты.

Тавия кивнула. На этот раз уточняющий вопрос остался при ней.

Для залога денег не хватило. Десса приняла латунный ученический значок: продолговатую пластинку с тремя прорезями. Пока ученица носила его, ей разрешалось покупать соль по мастерской цене.

— Чтобы вернуть его, мне придётся возвращать лодку, — сказала Тавия.

— Вот теперь я начинаю верить.

Десса завернула значок в тряпицу и убрала под весы. Весло и шест дала без отдельного залога, но напонила, что они не растут на берегу.

Когда «Лещ» лёг на воду, Тавия услышала совсем иной звук: мягкое постукивание волны под досками. Иль встал на корме. Прежде чем оттолкнуться, он проверил носовую верёвку — ту самую, которую только что проверял.

Тавия могла бы нарисовать короткое янтарное русло, не доставая рамки. Вместо этого придержала борт и дождалась, когда он скажет, что можно садиться.

4. Белый рукав

К вечеру берега разошлись. Между ними тянулись низкие дощатые настилы, а над водой висели три будки, связанные тонкими верёвками. Если смотреть издалека, всё сооружение напоминало музыкальный инструмент, которому забыли сделать корпус.

Руна сидела возле нижнего колеса и зашивала разошедшийся карман. Увидев брата, она спрятала иглу в отворот рукава.

— Если привёз совет, клади рядом с остальными.

— Привёз ученицу Севрена.

Руна встала.

Лицо у неё было широкое, как у Иля, но выражения менялись быстро. Услышав о барже, она забрала у брата шест и сама подвела лодку к кольцу.

— Сегодня мастер прошёл здесь с двумя провожатыми. Сказал, проверит книги на мельнице. Мне оставил номера старых кальк. Обратно не шёл.

В её будке помещались стол, лежанка и маленькая печь. На столе лежала рабочая копия карты: Севрен оставил её Руне, забрав оригинал для сопоставления. Дата стояла почти годовой давности. Руна положила рядом заключение Палаты.

Тавия прочла: «Неизбежное нарушение очередности при общей работе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.